

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.15>

Александрова Ольга Игоревна

РЕЧЬ ЛИСИЯ "ОБ УБИЙСТВЕ ЭРАТОСФЕНА": РЕАЛЬНОЕ ДЕЛО ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЫМЫСЕЛ?

В статье ставится задача выяснить, является ли речь афинского оратора Лисия "Об убийстве Эратосфена" реальной оправдательной речью или ее можно считать своеобразным литературным упражнением, призванным отточить мастерство логографа. Рассматривая аргументы в пользу последнего, автор приходит к выводу: несмотря на то, что их совокупность позволяет выдвигать подобное предположение, каждый из них в отдельности является крайне спорным. По мнению автора, скорее следует говорить об определенной художественной обработке Лисием деталей реально произошедшего в Афинах конца V века до н.э. преступления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 85-88. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Всеобщая история

General History

УДК 94(38).05

Дата поступления рукописи: 28.10.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.15>

В статье ставится задача выяснить, является ли речь афинского оратора Лисия «Об убийстве Эратосфена» реальной оправдательной речью или ее можно считать своеобразным литературным упражнением, призванным отточить мастерство логографа. Рассматривая аргументы в пользу последнего, автор приходит к выводу: несмотря на то, что их совокупность позволяет выдвигать подобное предположение, каждый из них в отдельности является крайне спорным. По мнению автора, скорее следует говорить об определенной художественной обработке Лисием деталей реально произошедшего в Афинах конца V века до н.э. преступления.

Ключевые слова и фразы: Лисий; Эратосфен; ораторы; судебные речи; Афины; Тридцать тиранов.

Александрова Ольга Игоревна, к.и.н.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
olgaalex@lenta.ru*

РЕЧЬ ЛИСИЯ «ОБ УБИЙСТВЕ ЭРАТОСФЕНА»: РЕАЛЬНОЕ ДЕЛО ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЫМЫСЕЛ?

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

«Об убийстве Эратосфена» (Lys. I) – одна из самых известных речей афинского оратора Лисия, относящаяся, по всей вероятности, к концу V века до н.э. Несмотря на то, что речь содержит большое количество сведений о самых разных сторонах жизни афинского общества классического периода, до последнего времени она нечасто становилась объектом специального внимания исследователей, особенно в российской историографии. Как правило, речь «Об убийстве Эратосфена» рассматривается в контексте политической борьбы в Афинах после окончания Пелопоннесской войны или же используется как один из источников для выяснения деталей афинского быта. Реальность же произнесения речи отечественными антиковедами не подвергается сомнению. Данными факторами обусловлена **научная новизна** предлагаемого исследования, представляющего собой попытку взглянуть на знакомый источник под другим углом. **Актуальность** исследования проистекает из того факта, что анализ данной речи поможет лучше понять некоторые аспекты афинского судопроизводства, во многом являющегося основой современных судебных систем, уточнить его особенности, а также заполнить имеющиеся пробелы в истории конкретных судебных разбирательств. **Целью** предлагаемого исследования является комплексный анализ речи Лисия «Об убийстве Эратосфена» и рассмотрение признаков того, что она является литературной мистификацией.

Речь произносится от имени афинского гражданина Эвфилета, который обвиняется в убийстве некоего Эратосфена, также афинянина. Эвфилет, впрочем, факта убийства вовсе не отрицает, но рассказывает всю историю с самого начала, чтобы убедить судей в том, что это было совершено в рамках афинского закона.

Со слов Эвфилета мы узнаем, что за несколько лет до описываемых событий он женился на молодой девушке, хозяйственной и скромной. Семейная жизнь была спокойной и вполне счастливой, и через некоторое время у главного героя родился ребенок (Lys. I, 6-7). Примерно в это же время, однако, умерла мать Эвфилета, и именно на ее похоронах произошла первая встреча его супруги и Эратосфена: последний заметил молодую женщину и начал оказывать ей всевозможные знаки внимания при посредничестве служанки (Lys. I, 8). Благодаря своей настойчивости Эратосфен вскоре добился успеха, и любовники начали регулярно встречаться за спиной ничего не подозревающего Эвфилета.

Через некоторое время Эвфилета на улице встретила незнакомая ему старая женщина, подсланная бывшей любовницей Эратосфена, которая и рассказала герою о том, что в его отсутствие происходит в доме (Lys. I, 16). Эвфилет, вернувшись, расспросил служанку и убедился в правдивости полученной новости (Lys. I, 18-20).

Через несколько дней, после заката, к его супруге тайно пришел Эратосфен. Хозяин же, получив информацию об этом заранее от прислуги, собрал несколько свидетелей, ворвался в спальню и убил Эратосфена прямо на месте преступления, невзирая на его просьбы и предложения откупиться деньгами (*Lys. I, 23-25, 29*).

На этом заканчивается повествовательная часть речи и начинается непосредственно оправдательная, в которой Эвфилет поясняет, почему он был вправе поступить именно таким образом и никак иначе.

Даже такое максимально сжатое изложение событий дает представление о том, насколько яркий сюжет разворачивался перед афинскими судьями во время произнесения Эвфилетом своей защитной речи. Сюжет, нетипичный для судебного случая, но подходящий, скорее, греческой комедии (с учетом достаточно трагичного финала). Действительно, тут есть, кажется, все характерные персонажи: неверная жена, ее поклонник, простоватый супруг, служанка-сводница. Да и ряд сюжетных поворотов также встречается в более поздних греческих и римских литературных произведениях, что не раз становилось предметом научной дискуссии в работах, затрагивавших тем или иным образом данную речь [9; 16; 17]. Уже этот факт заставляет всмотреться в текст Лисия повнимательней и высказать предположение: не является ли речь «Об убийстве Эратосфена» своеобразным литературным экспериментом прославленного афинского оратора? Подобное предположение было высказано итальянским исследователем П. А. Перотти, отстаивавшим оригинальную, но крайне спорную идею о том, что вся речь – символическое описание противостояния демократических и олигархических идей в Афинах, где Эвфилет – олицетворение самого полиса, его жена – демократического строя, а Эратосфен, естественно, – олигархии [15]. Впоследствии более умеренное предположение о том, что речь является литературным упражнением, было также сформулировано Дж. Портером [16].

Рассмотрим подробнее те аргументы, которые можно привести в пользу данной версии. Первый из доводов – это, как было упомянуто выше, бросающаяся в глаза «комедийность» речи, ее сходство с сюжетами мимических представлений. В историографии неоднократно предпринимались попытки провести параллели между речью Лисия и схожими сюжетами, которые можно найти в античных пьесах. Так, например, довольно распространенным является момент знакомства молодого соблазнителя с женщиной в ходе какого-то религиозного праздника или церемонии: такие сюжеты мы можем встретить, например, у Еврипида в «Ипполите» (*Eur. Hipp. 24-85*), в произведениях Феокрита (*Theoc. 2, 64-86*) и Герода (*Herod. I, 56-74*). Можно провести параллели и в ряде других конкретных эпизодов, таких как допрос служанки (*Men. Sam. 304-322*). Весьма стереотипны фигуры глуповатого обманутого супруга, раба-помощника и сводни (*Eur. Hipp. 433-524; Arist. Thesm. 340-342; Plutus. 959-1056; Theoc. 2, 94-103; Sem. 7, 108-711; Herod. I, 56-74*) и т.д. Целый ряд сходств обнаруживается, в частности, при сравнении речи Лисия и текста «Повести о любви Херея и Каллирои» Харитона [9; 17].

Использование подобных образов, однако, еще не может служить достаточным доказательством вымышленности речи. Так, существует интересное мнение, что многочисленные параллели с комедийными сюжетами и персонажами могут быть объяснены тем, что Лисий сознательно имитировал хорошо знакомые афинянам комические истории, чтобы слушателям в суде было проще воспринять все перипетии вполне реального дела. В связи с этим, однако, возникает вопрос, насколько вообще афиняне рубежа V-IV веков до н.э. хорошо ориентировались в комических сюжетах как таковых, ведь расцвет мимов и новоаттической комедии как жанра произошел несколько позднее, и большинство указанных выше авторов относятся к более позднему времени.

С другой стороны, известно, что мимические представления с соответствующими персонажами и сюжетными поворотами были особенно распространены в Сицилии и Южной Италии, а отец Лисия, Кефал, приехал в Афины как раз из Сиракуз. Сам же будущий оратор обучался риторике в Фуриях (*Plut. Mor. 835c*) и наверняка был хорошо знаком с типичными для этого региона комедийными представлениями. Вполне возможно, что каким-либо образом данные факторы повлияли впоследствии на структуру и стиль речи «Об убийстве Эратосфена».

Дж. Портер в качестве одного из аргументов обращает внимание на краткость речи [16, р. 74]. Так, она короче речей другого афинского оратора, Антифонта, также посвященных делам об убийстве, в полтора (*Ant. I*) и даже два с половиной (*Ant. V*) раза. Также в речи «Об убийстве Эратосфена» практически отсутствует какая-либо информация о фигурантах дела, а имена жены Эвфилета или его матери вовсе не упоминаются. Даже о жертве – Эратосфене – нам известно только то, что он был молод, происходил из дема Эя, встретил жену Эвфилета на похоронах его матери и добился ее взаимности при посредничестве рабыни-служанки [*Ibidem, p. 75*]. Никаких дополнительных подробностей о том, чем он занимался, о его поведении и характере и т.п., характерных для афинских судебных речей. Точно так же практически ничего нельзя сказать и о главном герое, Эвфилете, кроме некоторых деталей его быта.

Однако эта лаконичность становится вполне понятной, если допустить, что, во-первых, главный герой речи, Эвфилет, действительно соответствовал созданному Лисием образу простоватого и не очень сообразительного человека: возможно, ему было бы просто сложно запомнить больший объем текста, к тому же с подробностями. Как отмечает один из исследователей, касавшихся данного вопроса, «способность Эвфилета выучить текст наизусть была, вероятно, гораздо более ограничена, чем, например, у клиентов Антифонта» [8, р. 163]. Во-вторых, отсутствие традиционного момента с перечислением собственных заслуг и очернением противника может быть связано с тем, что резко негативный образ Эратосфена и так создается за счет описания его поведения по ходу разворачивающейся истории, а про свои заслуги перед городом Эвфилет ничего не говорит, просто потому что сказать ему нечего. Наконец, отсутствие упоминания имен жены и матери Эвфилета тоже легко объяснимо: в судебных речах вообще крайне редко встречаются женские личные имена, в подавляющем большинстве случаев женщины упоминаются исключительно как чьи-то жены, дочери или сестры [1, с. 15].

Еще один аргумент, который приводит Портер в пользу своей теории, – это тот факт, что за всю речь всего лишь два раза вызываются свидетели, при этом для дачи свидетельских показаний не привлечена горничная Эвфилета [16, р. 79]. Однако также всего два раза свидетели вызываются и в другой речи Лисия (*Lys.*, XII), которая по объему намного больше рассматриваемой. Что же касается служанки, то ее, согласно афинскому законодательству, ожидал допрос под пытками, чего Эвфилету, вероятно, совсем не хотелось: во-первых, он сам не стал допрашивать ее под пыткой, когда пытался выяснить все подробности дела, а лишь пригрозил такой вероятностью и, даже более того, пообещал, что с ней ничего не сделают (*Lys.*, I, 20); во-вторых, судя по тексту речи, Эвфилет жил не очень богато, и это была, возможно, единственная рабыня в его доме (*Lys.* I. 8, 11, 16, 18, 23, 37), рисковать здоровьем и жизнью которой ему было совсем невыгодно.

Пожалуй, самым интересным аргументом в пользу версии о том, что речь является литературным упражнением, является тот факт, что невозможно не отметить поразительно подходящие, «говорящие» имена главного героя и его жертвы. Имя Эвфилета можно понять как «возлюбленный», а Эратосфена, соответственно, – «энергичный в любви», «сильный в любви» [Ibidem, р. 77]. В случае Эвфилета, впрочем, можно логично возразить, что это имя было в Афинах одним из наиболее распространенных [12, № 6046-6077] и совпадение закономерно. К тому же имена приятелей Эвфилета, упомянутых им в речи – Сострат и Гармодий, – тоже вполне обычны и распространены.

С Эратосфеном, однако, ситуация гораздо более интересна. Само по себе имя «Эратосфен» вполне реальное и достаточно распространенное в Греции: достаточно вспомнить знаменитого Эратосфена – «отца географии». В целом же исследователям известны еще как минимум пять носителей этого имени [10, р. 364; 11]. В Аттике, однако, оно встречается крайне редко: всего три раза, при этом дважды – в речах Лисия. Еще один раз это имя упоминается в надписи гораздо более позднего времени, относящейся к I в. до н.э. [14, № 280]. Ранее также считалось, что обрывок имени «Ерат...» в одной из афинских надписей можно восстановить как «Эратосфен» (IG II² 9348), однако впоследствии было принято прочтение “Ανδρόν[ικος] Ἐράτ[ωνος] Μ<ε>[γαρέυς]” (SEG 13:152).

Что же касается упоминаний данного имени у Лисия, то помимо рассматриваемой речи «Об убийстве Эратосфена» нам известна еще одна – «Против Эратосфена, бывшего члена коллегии Тридцати» (*Lys.* XII). Совсем не лишним будет здесь отметить, что Эратосфена-тирана Лисий считал своим личным врагом, поскольку возлагал на него вину за казнь своего брата Полемарха (*Lys.* XII, 23-26). Более того, дем Эя, из которого родом был убитый Эвфилетом прелюбодей, относится к филе Энеида, к которой принадлежал Эратосфен-тиран [18].

Конечно, совпадения возможны, однако ситуация, при которой два человека с одинаковым редким для Афин именем живут в одно и то же время, происходят из одной филы и оказываются каким-то образом связаны с одним и тем же оратором, не может не натолкнуть на ряд возможных предположений. Так, например, еще Кирхнер высказал гипотезу, что двух Эратосфенов стоит отождествить друг с другом, и речь на самом деле идет об одном и том же человеке [11; 12, № 5035]. Однако приводимые в защиту этой теории аргументы в целом не кажутся достаточно убедительными, и современные исследователи склоняются, скорее, в пользу того, что два Эратосфена могли быть родственниками и с большой вероятностью являлись, например, дядей и племянником, но никак не одним и тем же человеком [6; 7, р. 184-185; 10]. Имеется и оригинальное предположение, что речь Лисия является более ранней, чем принято считать, и написана еще до 404 г. до н.э., и именно этим стоит объяснять отсутствие в речи любого упоминания о коллегии Тридцати. Убитый же Эратосфен – родственник Эратосфена-тирана, например, двоюродный брат. И именно потому, что оба Эратосфена проявили себя не с лучшей стороны, это имя в их роду впоследствии не использовалось, чтобы не вызвать нежелательных негативных ассоциаций, чем и объясняется его нераспространенность в Аттике [8, р. 166].

В любом случае, вряд ли подобное совпадение случайно. И действительно, все выглядит вполне закономерным, если предположить, что перед нами – не реально произнесенная речь, а литературное упражнение. Лисий теоретически мог использовать для явно отрицательного персонажа истории имя своего врага не только потому, что оно в данном случае является «говорящим», но и по личным причинам, а возможно, и для того, чтобы оно вызывало ассоциации с одним из ненавидимых народом тиранов. В свете этого неслучайным становится и выбор имени Эвфилета – имени для Афин, как было указано выше, широко распространенного, и в этом смысле очень подходящего для того, чтобы подчеркнуть, что главный герой, как принято считать, – максимально типичный представитель афинского общества конца V – начала IV века до н.э.: простоватый, прямолинейный, не очень богатый, но и не откровенно бедный горожанин, в речи показанный исключительно с положительной стороны [3, с. 47].

Впрочем, как кажется, не стоит упускать из виду и более простое объяснение, лежащее на поверхности: Лисий, к которому обратился за помощью Эвфилет, мог с охотой взяться за написание оправдательной речи для человека, который убил родственника его давнего недруга.

Наконец, еще один момент, который заставляет сомневаться в реальности речи, – это само преступление, в котором обвиняют Эвфилета, и тот закон, позволяющий законному супругу убить любовника жены, если застанет их вместе, на который он ссылается. «Ареопаг, который исстари вершил суд по делам об убийстве, которому и в наши дни предоставлено это право, постановил в совершенно ясных и определенных выражениях, что неповинен в убийстве тот, кто покарает смертью прелюбодея, если застигнет его вместе с женой» (*Lys.* I. 30). Дело в том, что больше нам неизвестно ни единого случая применения данного закона в афинской судебной практике, и это на первый взгляд кажется аргументом в пользу предположения о речи Лисия как о литературном упражнении. Однако в то же время этот закон упоминается и в речи другого известного афинского оратора – Демосфена: «Если человек убьет кого-нибудь, застигнув этого человека у своей жены, или у матери,

или у сестры, или у дочери, или у наложницы, от которой он намерен иметь свободнорожденных детей, то такой человек не должен быть удален в изгнание по причине совершенного им убийства» (Dem. XXIII, 53), – что позволяет предполагать как минимум тот факт, что он действительно существовал, а значит – мог быть применен и на практике, даже если это было необычно.

Таким образом, особенности разворачивающейся перед афинскими судьями, а вслед за ними и перед современными читателями истории позволяют допускать вероятность, что речь Лисия «Об убийстве Эратостфена» на самом деле никогда не была предназначена для того, чтобы быть представленной в суде, а является всего лишь литературным упражнением, и на самом деле никакого убийства Эвфилет не совершал. В то же время, несмотря на то, что в пользу данного предположения можно привести целый ряд более или менее убедительных аргументов, они не являются бесспорными и могут по отдельности быть легко опровергнуты. К сожалению, данные, имеющиеся в распоряжении исследователей, не позволяют сделать определенный и окончательный вывод по данному вопросу. Тем не менее, как представляется, логичнее всего полагать, что в данном случае мы имеем дело с реальным, пусть и не совсем тривиальным случаем, но в определенной литературной обработке Лисия, которая облегчала восприятие речи для слушателей и необходимым образом подчеркивала положительные и отрицательные черты всех фигурантов дела. Впоследствии же благодаря своим особенностям эта речь могла послужить источником вдохновения для авторов комедийных пьес, чем и объясняется сходство сюжетов.

В любом случае, был ли текст Лисия реальной судебной речью или же нет, он, несомненно, является бесценным источником информации по самому широкому спектру вопросов, связанных с жизнью афинского общества конца V – начала IV века до н.э.

Список источников

1. Кудрявцева Т. В. Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады Международной научной конференции: в 2-х ч. / отв. ред. В. В. Деметьева. Ярославль: ЯрГУ, 2010. Ч. 2. С. 14-17.
2. Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы / пер. С. Апта, А. Парина, Г. Церетели. М.: Искусство, 1984. 293 с.
3. Соболевский С. И. Вступительная статья к речи Лисия «Об убийстве Эвфилета» // Лисий. Речи. М.: Ладомир, 1994. С. 47-48.
4. Antiphon. Minor Attic Orators: in two volumes / with an English translation by K. J. Maidment. Cambridge – L.: Harvard University Press; William Heinemann, Ltd., 1968. Vol. 1. Antiphon, Andocides. 608 p.
5. Aristophanes. Aristophanes Comoediae / ed. by F. W. Hall and W. M. Geldart. Oxford: Clarendon Press, 1907. Vol. 2. 404 p.
6. Avery H. C. Was Eratosthenes the Oligarch Eratosthenes the Adulterer? // Hermes. 1991. Vol. 119. № 3. P. 380-384.
7. Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford: Oxford University Press, 1971. 653 p.
8. Huvlt P. Killing of Eratosthenes between Reality and Mime // Graeco-Latina brunensia. 2013. Vol. 18. № 1. P. 159-170.
9. Kapparis K. Has Chariton Read Lysias 1 ‘On the Murder of Eratosthenes’? // Hermes. 2000. Vol. 128. № 3. P. 380-383.
10. Kapparis K. Is Eratosthenes in Lys. 1 the Same Person as Eratosthenes in Lys. 12? // Hermes. 1993. Vol. 121. № 3. P. 364-365.
11. Kirchner J. E. Eratosthenes // Pauly’s Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart: Metzler, 1907. Bd. VI, 1. S. 357-358.
12. Kirchner J. E. Prosopographia Attica. Berlin, 1901. Bd. 1. 610 p.
13. Lysias / with an English translation by W. R. M. Lamb. Cambridge – L.: Harvard University Press; William Heinemann, Ltd., 1930. 706 p.
14. Meritt B. D., Traill J. S. The Athenian Agora. Princeton: American School of Classical Studies, 1974. Vol. XV. The Athenian Councillors. 486 p.
15. Perotti P. A. La I orazione di Lisia fu mai pronunciata? // Sandalion. 1989. Vol. XII. P. 43-48.
16. Porter J. R. Adultery by the Book: Lysias I (“On the Murder of Eratosthenes”) and Comic Diegesis // Oxford Readings in the Attic Orators / ed. by E. Carawan. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 60-88.
17. Porter J. R. Chariton and Lysias 1: Further Considerations // Hermes. 2003. Vol. 131. № 4. P. 433-440.
18. Whitehead D. The Tribes of the Thirty Tyrants // The Journal of Hellenic Studies. 1980. Vol. 100. P. 208-213.

LYSIAS’S SPEECH “ON THE MURDER OF ERATOSTHENES”: FACT OR FICTION?

Aleksandrova Ol'ga Igorevna, Ph. D. in History
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
olgaalex@lenta.ru

The article tries to clarify whether the speech of the Athenian orator Lysias “On the Murder of Eratosthenes” is a real defence speech or it can be considered as a literary exercise aimed to sharpen the logographer’s skills. Considering arguments in favour of the latter, the author concludes that, though the whole set of arguments allows proposing such a hypothesis, each of them separately seems quite controversial. In the author’s opinion, Lysias’s speech is a literary interpretation of a real criminal case that occurred in Athens at the end of the V century B.C.

Key words and phrases: Lysias; Eratosthenes; orators; courtroom speeches; Athens; The Thirty Tyrants.